

Из досье «КП»
Юбер Джеймс де Живанши родился 20 февраля 1927 года в маленьком французском городке Бовэ. В 1945 году он поступил на работу к известному модельеру Жаку Фат и параллельно начал учиться в Школе изобразительных искусств.

2 февраля 1952 года Живанши открывает собственный Дом моды в Париже.

В 1954 году завязывается многолетнее сотрудничество французского кутюрье с актрисой Одри Хепберн. А через год за костюмы для героини Хепберн в фильме Билли Уайлдера «Сабрина» Живанши был удостоен премии «Оскар».

Увлечшись дизайном, в 1976 году он декорирует автомобиль «Линкольн» компании «Форд», а затем отели «Хилтон» в Брюсселе и Сингапуре.

Живанши награжден дипломом «Выдающейся личности 1979 года», орденом Почетного легиона (1983) и призом Высшей школы американского Фонда искусств (1988).

11 июля 1995 года Живанши представил в Париже свою последнюю коллекцию Высокой моды и с тех пор занимается частными проектами.

...Юбер де Живанши оказался очень высоким, очень крепким и очень красивым, несмотря на свои 70 лет, человеком. Мы разговаривали с ним в мастерских Большого театра, после того как Живанши вместе с художественным руководителем театра Владимиром Васильевым битых два часа рассматривали эскизы, работали над отделкой костюмов — одним словом, обсуждали художественную концепцию будущей премьеры балета «Жизель». Оказалось, что знаменитый модельер согласился участвовать в постановке «Жизели» абсолютно бескорыстно — в знак их приятельских с Васильевым отношений. И для того чтобы дать консультации по костюмам участникам спектакля, на три дня прилетел в Москву.

— Месье Живанши, как дошло ваше сотрудничество с Большим театром? И кто был его инициатором?

— Мой большой друг Поль Леперг, который является одновременно и другом Васильева, позволил мне однажды и спросил: готов ли я приехать в Москву и, возможно, поучаствовать в работе Большого театра? Я был немало удивлен — в театре мне раньше работать не приходилось. Хотя я сделал много костюмов для кино, шил для таких звезд, как Одри Хепберн, Элизабет Тейлор, Марлен Дитрих. Но почему бы теперь не сделать костюмы для Большого театра, спросил я себя. Ведь я очень люблю Россию, а значит, можно попробовать.

Примерно год назад мы впервые приехали в Москву, три дня жили «в ногу» с Большим — репетиции, спектакли, мастерские. Я вернулся в Париж и начал делать рисунки. Из них потом месье Васильев отобрал те эскизы, которые ему понравились. И вот я снова здесь, чтобы посмотреть на плоды нашей работы и двигаться дальше. Ведь в конце декабря — уже премьера.

— Судя по вашей биографии, вы всю жизнь брались за самые разнообразные проекты, порой довольно необычные. Кино, теперь вот театр, дизайн банков, отелей и даже автомобилей...

— С детства я мечтал стать кутюрье, хотя моя семья противилась этому. И все же моя мечта сбылась, и я застал времена настоящей Высокой моды, когда женщины были очень элегантны и куда тщательнее следили за своей внешностью. Так что именно Высокая мода и была всегда моей настоящей работой. А остальные проекты — это как бы приложение к ней.

— И все-таки, как вы додумались заняться дизайном новой модели автомобиля «Линкольн»? В этом тоже есть своя Высокая мода?

— Работа кутюрье дает вам много возможностей, которые не противостоят друг другу. Оформлять интерьер дома — это почти то же, что одевать женщину. То же сочетание цветов, материалов, стремление к гармонии. Что касается этой машины «Линкольн Континенталь», которая стала самой дорогой в Соединенных Штатах... Я же не вмешивался в работу ее мотора, не занимался техническими конструкциями. Я выбирал цвета, материал для сидений, привнес некоторую утонченность в ее внешний вид. Благодаря сочетанию

силы и красоты машина и стала просто неповторимой.

— Кого из великих кутюрье вы на протяжении своей жизни считали главными конкурентами? Ив-Сен Лоран, Диора, Шанель?

— Для меня первым кутюрье в мире всегда являлся Кристиан Балансиага. У него было потрясающее сочетание техники рисунка, чувства цвета, воображения. Я всегда мечтал быть похожим на него. Если говорить о нынешних временах, то единственным человеком, представляющим Высокую моду во Франции, для меня остался Ив-Сен Лоран. Он по-прежнему элегантен и скромен, чем выгодно отличается от того безумия, которое заполонило подмостки. Сейчас стали популярными модельеры, которые используют прово-

кочителем Дома выбирал уже не я. Скажем так, я бы предпочел другой образ кутюрье.

— В России большую популярность имеют духи и одеколоны марки «Живанши». Признаться — а сами вы какой туалетной водой пользуетесь?

— Иногда — своей собственной. Но, кроме того, мне очень нравится одеколон, который создал Балансиага. Он ведь был моим учителем. И хотя я не суеверен, но после его смерти, когда я пользовался этим одеколоном, мне всякий раз казалось, что мой учитель охраняет меня.

— Довольно прикладной вопрос: что из парфюмерии вы могли бы посоветовать российским людям в этом осенне-зимнем сезоне?

— Я бы, конечно, мог порекомендовать духи «Жи-

крылась дверь, и неожиданно вошла Одри, которую тогда в Париже никто не знал. Очень молодая, очень тоненькая... как козочка. Именно тогда Одри попросила меня сделать костюмы для ее новой роли в фильме «Сабрина». Это была моя первая коллекция, когда мне мало кто помогал. И с тех пор я шил костюмы ко всем картинам, в которых она снималась, за исключением «Моей прекрасной леди» и «Войны и мира».

Чем больше я работал с ней, тем больше я ее любил. Мы начали путешествовать вместе, часто встречались в Голливуде. Мы легко понимали друг друга, и в работе с ней у меня не было тех трудностей, которые часто возникали, к примеру, когда я шил платья для Элизабет Тейлор. Потом Одри вышла замуж, развелась, снова вы-

Юбер Живанши:

Я одеваю женщин, автомобили и Большой театр

Основатель одного из известнейших французских Домов моды приехал в Москву, чтобы участвовать в новой постановке «Жизели» на сцене Большого театра, и дал эксклюзивное интервью «Комсомольской правде»

Одри Хепберн.

Марлен Дитрих.

Он красив и в свои 70.

кацию, шокирование. Вся современная мода — это провокация. Просто ужасно!

— То есть вы уверены, что по сравнению с 50 — 60-ми годами мода переживает стремительный регресс? И нет пути назад?

— Абсолютный регресс! И это очень грустно. Раньше существовало лишь несколько кутюрье, на них работали целые корпорации — портные, создатели материй, но зато у каждого кутюрье был собственный неповторимый стиль. Сегодня наверх вылезли все кому не лень, и любой абсурд воспринимается как «веяние моды».

— Интересно, как вы тогда восприняли недавнюю продажу вашего собственного Дома моды концерну Бернара Арно? И то, что на место классика Живанши во главе Дома пришли экстравагантные англичане — сначала Джон Гальяно, а потом Александр Маккуин? Ведь они сегодня тоже безумно популярны...

— Я сам продал свой Дом, когда мне предложили это сделать. Наследника, который бы продолжил мое дело, у меня не было, а мне самому исполнилось 70 лет. И я подумал, что лучше красиво уйти и навсегда оставить собственному детищу имя «Живанши», чем цепляться за него до самого конца. Что касается Гальяно и Маккуина — новых ру-

ванши», но это будет выглядеть обычной рекламой. На самом деле на этот вопрос ответить практически невозможно. Все люди абсолютно разные. И каждый человек должен найти такую туалетную воду, которая соответствовала бы его стилю. Тогда и у окружающих он будет ассоциироваться с конкретным запахом.

— Месье Живанши, не могли бы вы немного рассказать о своих взаимоотношениях с двумя женщинами, которые очень известны в России, — Одри Хепберн и Марлен Дитрих?

— Начну с Дитрих — это менее длинно. Марлен была не только ярчайшей звездой — она стала символом моды своего времени. Немалую роль в создании ее утонченного образа сыграли модельеры Адриан и Жан-Луи, которые шили ей костюмы для кино. Когда я приехал в Соединенные Штаты, мы с Марлен познакомились, и с тех пор она стала покупать сделанные мной платья. Мы много раз работали с ней вместе, хотя я не одевал ее для сцены — этим занимались модельеры из Голливуда.

Что касается наших отношений с Одри Хепберн... Однажды, давным-давно, мне сказали, что меня хочет видеть миссис Хепберн. Я сразу подумал о Катрин Хепберн — я восхищался этой актрисой. Но вот от-

шла и снова развелась... И на каждом этапе ее жизни я присутствовал рядом, даже когда рождались ее дети. Вся моя жизнь связана с ней.

— Извините за этот вопрос, но я понимаю, что у вас было больше, чем просто дружба?

— Да, это так... Когда она ушла от нас так рано, в 63 года, и так быстро (болезнь «съела» ее за три месяца), я почувствовал, что от меня оторвали что-то невероятно родное. Невозможно передать словами, что происходит в душе, когда уходит человек, которого ты так любишь...

— Она похоронена в Швейцарии, где жила в последние годы?

— Да, недалеко от Лозанны. Рядом с домом своего сына Шона Ферре. Мы вместе с Шоном часто ходим на ее могилу, которая постоянно завалена сувенирами, цветами — приходится их убирать, потому что на следующий день сюда снова придут толпы туристов. Перед смертью Одри завещала мне помогать ЮНИСЕФ — организации, которая заботится о голодающих детях в разных странах. Поэтому иногда я продаю на благотворительных аукционах оставшиеся после Одри платья, а выручка перечисляется на нужды детей. Например, для этой же цели, когда я недавно был в Сенегале, я передал несколько платьев жене президента госпоже Дюв. Я знаю, что этого бы желала и сама Одри.

— Вы так никогда и не были женаты?

— Я не женат, у меня нет детей. Зато у меня есть брат, у которого семь детей. Я иногда думаю, что он постарался и за меня тоже.

— Напоследок откройте секрет: как вам удается так замечательно выглядеть? Вы занимаетесь спортом? Сидите на специальной диете?

— Я много плаваю. Лишь недавно я перестал кататься на лыжах. Люблю пройтись пешком. Люблю путешествовать. Открывать то, что до этого не знал. И, на мой взгляд, главное условие, чтобы хорошо выглядеть, — это никогда не сидеть без дела.

Беседу вел
Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО.